

Вашутина О. Ю.

[ВОЕННАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КУТИЛОВА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 50-52. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, анализ показал, что такое огромное количество лексических средств выражения концепта свидетельствует о том, что он является весьма важной и неотъемлемой частью ментальности татарского народа.

Список использованной литературы

1. Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века / Ю.С.Степанов. - М., 1999.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С.Степанов. - М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Ахметьянов Р. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. - К.: Татар. кнж. из-во., 2001.
4. Деалектологический словарь татарского языка. - К., 1993.
5. Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
6. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - Т. I. - СПб, 1893; Т. II. - 1899; Т. III. - 1905; Т. IV. - 1911.

ВОЕННАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КУТИЛОВА

Ваиштина О. Ю.

Омский государственный педагогический университет

В нашей жизни все - и обыкновенное, и уникальное, неповторимое - сложно переплетено. Всякое событие мы можем увидеть и с парадной стороны, и с изнанки, одно и то же пространство пережить и как свое, и как чужое - неудобное и принудительно навязанное. Именно от того, как мы посмотрим на мир, окружающий нас постоянно, зависит, каким мы его увидим.

Стихи А. Кутилова о войне можно рассматривать как антигероические, в них автор по-своему, с позиции мирного человека, рассматривает военные события. В таком отношении к историческому событию Кутилов продолжает литературную традицию.¹

Военная история Отечественной войны 1812 года изучена и описана достаточно подробно. Не вызывает сомнений и особое значение военных лет для истории общественной мысли в России и для духовного пробуждения народа.

Начало войны, оставление Смоленска, Бородино, пожар Москвы - все это наполняло умы участников событий впечатлениями; постоянные перемещения, путаница маршей, усталость от тяжелых боев - не давали возможность эти события обдумать, осмыслить происходящее. «Лучшим произведением, описавшем события Отечественной войны 1812 года, был «Певец во стане русских воинов» [Жуковский 1959: 84] В. Жуковского. Произведение было написано в сложное для Кутузова время - после оставления Москвы. В рескрипте на имя Кутузова Александр I писал: «Вспомните, что вы оскорбленному отечеству обязаны потерей Москвы». Ю. Лотман ссылается на письмо [Лотман 2002: 603] Растопчина от 20 октября 1812 года, который писал: «Кутузов - самый гнусный эгоист... Спит, ничего не делает» [Жуковский 1959:186]. В то же время Жуковский показывает нам Кутузова «бодрым вождем»:

С ним опыт, сын труда и лет, / Он бодр и с сединою.

Ему знаком победы след...

Доверенность к герою! [Смирнов 1995: 86]

Аркадий Кутилов в своем стихотворении «1812» нарисовал образ Кутузова, созвучный мнению Растопчина: главнокомандующий «сидит на барабане и облучает ленью наступающего противника» [Кутилов 1998: 166]:

- Добавьте лени! - / Он спохватился:

- Добавьте пушек / на левый фланг.

Скажете: Кутилов сознательно принизил образ Кутузова, убрал «опытность и бодрость». Но если вчитаться внимательно, то мы увидим, что устал и молодой император, «поистрепал полжизни», а сейчас его

---

¹ Достаточно вспомнить роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле [8, 102], в котором автор осмелел организацию монархической власти. Король Пинрохол, воспользовавшись вздорным поводом, напал на Грангузье. Началась война. Не сумев довести военную кампанию до победы, разбитый, в одиночку «Пинрохол в отчаянии бросился бежать», но «конь его споткнулся», Пинрохол «в испуге заколол коня мечом». Другого коня не было, он хотел было «подобраться к мулу», но «получил трепку» и был раздет. В таком виде «поганый злока зашагал дальше» [8, 102]. Смех и гротеск Рабле – орудие его сатиры в изображении войны (впрочем, и всего остального). Как бы он ни изображал жизнь, он всегда дает изображение, верное природе. И наиболее потрясающие по реализму эффекты часто достигаются у него карикатурным показом того, что прямо противоположно действительности.

Ромен Роллан в своей повести «Кола Брюньон» отразил влияние Рабле.

В русской философии Соловьев и Булгаков «упрекали позднего Л. Толстого с его «пацифистскими писаниями» в «гедонизме». Незаслуженно». См.: Смирнов И.П. Неизвестный солдат // Лотмановский сборник. М.: Изд-во «ИЦ-Гарант», 1995.- с. 287

Идея Толстого состояла в том, что господство одного индивида над другим и война – одно и то же. В праве противиться воинскому долгу Толстой отстаивал «не право плоти быть собой, но право каждого быть князем». См.: там же, с. 287.

мечта - «поспать». Кутилов и разглядел эту обычность в полководцах, Кутузов у него не только «вождь вождей», но и обычный человек, состарившийся в военных походах и нуждающийся в отдыхе.

В русской литературе принято воспевать героику войны, солдатских будней. Кутилов смотрел на войну другими глазами - глазами пацифиста (ср. название стихотворений «Муха. Взгляд пацифиста», «Пацифистское»). На это есть причины. Вспомним: история насчитывает с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года) - двести войн и нашествий. С XIV по XV - 329 лет войны, Россия провела две трети своей жизни. Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться, но лишь о том, чтоб вообще как-нибудь прожить; не как счастья добыть, а как врага избыть. Возможно, поэтому Кутилов так гневно обличает «военных своих, чужих, тех, что в окопах, и тех, что пленные...» Этот его гнев - «оборотная сторона любви» [Великосельский 1998: 14] к людям. Сравним у Некрасова Н.: «Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья».

Здесь же хочется вспомнить Данте и его «Божественную комедию». Данте судит, судит жестоко, иногда безжалостно, судит не только тех, кого безмерно ненавидел, но и тех, «кого любил и уважал» [Андреев 1986: 5]. Только пройдя все круги ада, человек мог познать себя и свои грехи: «...на этот путь незримый / Ступили, чтоб вернуться в ясный свет» [Данте 1986: 166]. Данте хотел научить своих соотечественников, как надо «мудро, хорошо, красиво жить на земле» [Маккай 1984: 20].

Основу стихотворения «Пацифистское» [Великосельский 1998: 273] создает противопоставление, контраст между прямым и инверсированным образом: поэт любит военных «за ратный труд» - и не принимает их правила всю жизнь ходить «повзводно, квадратно»; любит генеральскими мундирами, стонущими «от орденов» - а это стонут люди, что «по приказу в крови утонут»; «понимает маршала Жукова, ласкающего внуку», - а скольких людей он «спалил нещадно и так небрежно»; а ромашки, костелы, «зелень Польши» и «тихий Омск» - всего лишь «пища для их ракет». Теперь начинаешь понимать смысл сравнений поэта: армия, существующая для того чтобы служить миру, служит злу.

По наблюдениям поэта, в среде военных происходят необычные трансформации, их мы можем наблюдать в стихотворении «Соловей» [Кутилов 1998: 275]: танки, пушки - эти холодные, неодушевленные орудия войны, устав от сражений, боевых походов, начинают слушать «песню соловья», вытянув хоботы-пушки, и хмурить пушки-брови, «припомнив бой и пролитую кровь, на звездах кровь, на гусеницах кровь...» Металл устал от боев! А как же люди? А наш комбат «испуганно проснулся», «быстро оценил обстановку», «юркнул в танковую башню - и блеснул огонь», потому что...

...Он жалость к ближним в детстве схоронил,

и черным злом в душе засеял пашню.

Его давно не трогают песни соловья, они для него лишь объект атаки, так же, как и затерявшаяся в военном оркестре скрипка, «бьющаяся, как рыбка яркая на льду». Настоящая музыка для него - это голос походной трубы, звон штыков, бречание шпор и звуки отточенных, как топоры, шагов.

Но Кутилов не был бы Кутиловым, если бы не «развенчал» миф о заставляющих трепетать людей военных. А помогла ему в этом самая обыкновенная муха, ничего не смыслящая в законах, «плюющая» на погоны и на должности. Сюжет стихотворения «Муха» таков: по телевизору показывали старого маршала, который грозно рассказывал о войне; хозяйка и ее дочка «трепетали» от болтовни маршала. Только муха беспечно вползала оратору в нос, ухо, раскрытый рот, заставляя оратора отбиваться, «сводя его энергичное слово к нулю». Закончилось все тем, что хозяйка ладошкой муху прихлопнула. Отчаяние мухи, выступившей против грозного маршала, вызвало восторг автора:

...Только я записал на листочке:

«Уважайте отчаянных мух!»

Высокая тема трактуется бурлескно (от лат. *burlesco* - «шутливый»: изображение «высоких» предметов «низким стилем»), что создает нужный поэту сатирический эффект. Соответственно нарочито сочетаются слова с противоположными экспрессивными ореолами («отчаянная муха», «расчудесная милая муха»); тропы, сочетающие в себе противоположные тропы: «маршал болтал о войне», «муха...препятствия лихо берет».

В стихотворении «Полковнику N» [Кутилов 1998: 278] Кутилов размышляет о том, что может принести завтрашний день. Поэту необходимо наглядно противопоставить порой не поддающиеся логическому объяснению причины войны официально объявленным:

Здравствуй, враг! Тебе и мне не спится-

...Нам с тобой пора договориться

о причине будущей войны. [Кутилов 1998: 276]

Оказывается, не всегда причиной тому агрессивные планы, взаимная ненависть, порой достаточно бывает «расколотого горшка», недоброго слова или злого умысла - и «шар земной летит в пространство». Главное: правильно потом объяснить причины войны:

Кто-то факты ловко обкорнает, / сто причин надергает из тьмы...

и никто на свете не узнает, / что причину выдумали мы!

Центр тяжести в стихотворении не в описании внешних событий, а в чувствах героя. И в этом проявляется субъективность автора, для которого предметы и события окружающей действительности служат поводом для раскрытия строя чувств поэта, его острой социальной и идейной позиции.

1. Андреев А. Вступительная статья к: Данте А. Божественная комедия. М.: «Художественная литература», 1986.
2. Великосельский Г.П. Оpoznан, но не востребован / Предисловие к сб. «Скелет звезды». - Омск: Кн. изд-во, 1998. - с. 3 – 18.
3. Данте А. Божественная комедия. Ад. М.: «Художественная литература», 1986. – 224 с.
4. Кутилов А.П. Скелет звезды: Стихи, поэмы, проза / Авт. вступ. ст. Г.П. Великосельский. - Омск: Ом. кн. изд-во, 1998. – 400 с.
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры / Семиотика бытового поведения. - СПб: «Искусство-СПБ», 2002. – 768 с.
6. Маккай Л. Мир Ренессанса. Будапешт: Изд-во «Корвина», 1984. – 168 с.
7. Памятники новой русской истории. Т. 2 / Сост. В. Кашпиров. - СПб, 1972. - с. 186.
8. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Изд-во «Правда», 1981. – 560 с.
9. Смирнов И.П. Неизвестный солдат //Лотмановский сборник. М.: 1995. – 734 с.
10. Жуковский В.А. Собрание сочинений. Т. 1. - М.: Гослитиздат, 1959.

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ РЕАЛИЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Вепренцева М. А.

Российский университет дружбы народов

В данной работе мы рассмотрим сложную проблему перевода архитектурных терминов и выделим некоторые способы ее решения

Необходимо отметить, что перевод архитектурных терминов с испанского языка на русский и наоборот связан с некоторыми трудностями и сопряжен с существованием непереводаемых реалий. Поэтому переводчик должен знать о существовании нескольких основных способов перевода.

Ниже мы приведем некоторые виды переводческих трансформаций и 4 основных способа решения проблем перевода.

Как всякая наука, теория перевода оперирует понятиями, составляющими ее основу, и различает следующие категории: способ перевода, прием перевода и метод перевода.

Проблема перевода архитектурных терминов возникает из-за существования в испанском и русском языке таких архитектурных реалий, которых нет в стране языка перевода. К ним относятся, в частности, и названия элементов архитектуры соборов и храмов.

Предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание предметов, стоящих за этими словами, верное представление о них. Действительно, архитектурная терминология включает слова и понятия, значение которых, далекое от повседневного употребления, может представлять некоторые трудности даже для самого носителя языка. Но поскольку мы принимаем как обязательное условие для успешного перевода знание самих предметов и верное представление о них, мы приходим к необходимости пояснения многих слов из этой области. Для этого переводчик должен пользоваться справочниками на своем родном языке.

Способы перевода реалий сводятся, на наш взгляд, к четырем основным приемам.

1. Транслитерация либо транскрипция (полная или частичная), непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка. Как правило, переводчик прибегает к этому способу, если стремится сохранить национальный колорит речи. *Пресбитерий, сакристия* (ср. испанские слова *presbiterio, sacristia*), *маковка* (ср. русское существительное *маковка*).

2. Создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В своей основе это – перевод описательный, перифрастический. Такой распространено-описательный перевод можно использовать, когда главное в термине – это функциональное значение денотата. *Бровка – saledizo en forma de un rulo; престол – mesa del altar; закомара – frontón semicircular o conopial de una boveda; шатер – techumbre piramidal, recubrimiento apabellonado; царские врата – puerta mayor del iconostasio, шея – tambor ciego*. При этом происходит расширение текста – на месте одного слова исходного языка появляется сочетание из двух и более слов языка перевода. *Тябла – travesanos del iconostasio*.

3. Использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, иначе говоря, уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда – граничащий с приблизительным обозначением. На практике этот перевод выполняется при помощи соответствующего специального термина, сходного по основе и звучанию, но, возможно, несколько отличного по смыслу (шире или уже) с прибавлением пояснения, в чем именно состоят отличия функций предметов, обозначаемых этими терминами. *Звонница – campanario m; придел – capilla f*.

4. Гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слова исходного языка, обозначающие видовое понятие, передаются словом языка перевода, называющим понятие родовое. *Крыльцо – el por-che m; наперть – el porche de la iglesia*.